

OIRi Iv

**АЭРОПОРТ,
ЗАЛ ОЖИДАНИЯ**

Рассказы

OIRi Iv

Аэропорт, зал ожидания. Рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22201813
ISBN 9785448353017*

Аннотация

Рассказы OIRi Iv читаются быстро и легко, оставляя неизгладимое впечатление. Точное описание характеров персонажей позволяет увидеть их, словно они находятся рядом с вами. Рассказы интересны для всех возрастов без ограничений.

Содержание

История одного полёта	5
С нами Бог	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Аэропорт, зал ожидания

Рассказы

OIRi Iv

© OIRi Iv, 2016

ISBN 978-5-4483-5301-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История одного полёта

Я привалилась к земляному отвалу поросшему травой, ощутила тепло нагретой солнцем земли и запах цветов без названий. Обе кошки, которых я держала в руках, перестали шипеть друг на друга, прижались к моей груди и закрыли глаза. Небо, высокое почти белое, без солнца не давало теней. Женщина комендант, стояла рядом со мной и внимательно смотрела мне в глаза, молчала.

– Вы видите меня? – я задала ей вопрос.

– Еще вижу, – женщина не пошевелилась.

– А они меня видят? – зачем-то спросила я.

– Они уже не видят.

– Хорошо, – я сделала глубокий вздох.

– Ты растворяешься, – женщина комендант продолжала стоять столбом.

Я не ответила, мне уже было всё равно, главным было то, что я сама всё видела и всё слышала. Я видела людей в окнах, я видела, как они шевелят губами, рассказывая друг другу что-то личное.

Не понятно было лишь то, зачем я зацепилась за этот дом, за этих людей. Они меня не знают, а я рядом. Они лишь изредка ощущают моё присутствие. Оно приносит в их быт долю не уюта, но я отворачиваюсь, и они забывают об ощущениях лёгкой тревоги.

Этот дом имел для меня притягательную силу. Эти люди тревожили моё воображение. Три молодые женщины в окне, каждая со своей жизнью, они были вместе, а я знала, что они порознь. Я наблюдала, я ждала, когда каждая из них поймёт никчёмность общения и, хлопнув дверью, выйдет из комнаты. Но женщины не расходились. Разговоры их были вялые и не шли от сердца. Кошки в моих руках проснулись и недовольно фыркнули. Они всегда фыркают, когда чувствуют дисгармонию.

Я оторвалась от земляного вала, спина стала прохладной от ветра, который поднял меня к подоконнику. Я стою на подоконнике, женщины смотрят сквозь меня на крыши соседних домов. Старшая, резкими, рваными движениями, в лицах рассказывает о своих планах, изредка поглядывая в окно. В эти моменты я вижу, как сердце её разогревается и начинает пульсировать с каждым произнесенным словом. Она живая, это хорошо, но не интересно. Она обречена быть одна. На тонком не видимом плане, в котором я тренирую свое эфирное тело, у неё нет детей. Ей нет продолжения, я вижу ее будущие болезни, но мне не дано что-либо изменить или предупредить. Я хочу помочь ей, она мне нравится своей слегка дикой красотой и сильными накачанными икрами, но, согласно договора, с тем кто дал мне способность видеть, я не должна вмешиваться в жизнь не посвященных. Я перевожу взгляд, удобно усаживаясь на подоконник. Мои кошки напрягли спины и приготовились к прыжку.

Та женщина, которая моложе, сидит, раскачиваясь в кресле, и улыбается. Её внимание привлекло единственное облачко, появившееся на выцветшем небе. Она тоже живая, но мысли в её голове далеко от речей старшей. Она ждёт. Она ждёт то, что никогда не случится в её жизни, но она этого не знает и ждёт. Она раскачивается в такт словам подружки, смотрит сквозь меня, оставляя во мне образ платья. Она давно видит платье, которое хочет купить. Она его купит, но не в этом году, определить точнее у меня не достаёт сил, потому что над моей головой пролетела стая ворон и третья, высокая, мужеподобная, с круглым как блюдо белым лицом, женщина посмотрела на них сквозь меня.

Круглолицая женщина сидела в стороне и молчала. Она могла молчать часами, я видела это по её светло голубым, ледяным глазам. Вороны улетели, круглолицая отвела взгляд, пятно её мира потемнело. Я поняла, что это она привлекает меня к этому дому. Я погладила кошек, успокоила их и стала ждать ворон. Облачко словно магнит притянуло к себе еще пару облаков, таких же маленьких и нежных. Объединившись, они составили облако побольше. Сила притяжения их увеличилась и пока я размышляла об увиденном и услышанном на небе появилась маленькая туча. Кошки заволновались, зафыркали.

Первая капля дождя прошла сквозь меня и ударила по подоконнику.

– Дождь пошёл, – круглолицая перебила говорящую, вста-

ла и подошла к окну.

Она смотрела на падающие капли, на заблестевшие крыши домов, на лужи с плавающими на них крупными пузырями. Она смотрела сквозь меня, а я впитывала ее мысли, её желания и мне становилось не по себе. Кошки приподнялись на задние лапы, оперевшись передними о стекло почти уткнув свои затылки мне в лицо. Я впервые посмотрела на неё сквозь них. Увиденное, меня растревожило, но почему-то не удивило.

Внутри женщины с круглым лицом было смятение. Она родилась как проводник зла, но по всем законам социума должна была изображать минимум положительных качеств, принятых среди людей. Она говорила: «Я добрая» и совершала злые поступки, оправдывая их своей неординарностью. Она не любила свою мать, небольшую, темноволосую очень нервную женщину, её степень презрения к ней превышала все допустимые нормы. Она смотрела на отца и видела в нём только маленький толстый бумажник набитый купюрами, который позволяют ей не работать. Она говорила: «Я честная» и лгала всем. Желание пить кровь её пугало и радовало. Она хотела любви, но не той, которая в лепестках роз, а той, которая с вывернутыми суставами. Она жаждала денег признания и беспредельной власти.

Круглолицая смотрела на падающие капли дождя, а я смотрела в её суть и постепенно понимала взаимосвязь между неудачами и не устроенностью окружающих её людей

и её присутствием в их жизни. Кошки не переставали шипеть, и скрести стекло, по глубоким царапинам стекала вода, в ней, как в хрустальном шаре было видно течение жизни женщины порождённой злом.

– Пора, – откуда-то снизу я услышала голос коменданта.

Она погремела ключами, звякая друг о друга, словно звонок будильника они позвали вниз. Земля начала тянуть меня к себе, я сделала рывок прошла в комнату сквозь стекло, схватила круглолицую за плечи и рванула на себя.

Дождевая вода стекала с моей головы, я сидела на земляном отвале, кошки терлись о мои ноги и мурчали. Я понимала, что я, посвящённая в закономерность течения событий, нарушила договор, и мне нет прощения.

Я видела, как подъехала скорая помощь, машина с полицейскими. Я видела бледные лица тех двух, которые были там в комнате. Я слышала, что говорили между собой вывалившиеся из квартир любопытные соседи.

– Шизофрения у неё с детства, – заламывала руки мать.

Я обхватила голову руками. Я больше не летаю.

26 августа 2013

Волгоград

С нами Бог

Борис стоял у автобусной остановки. Влажный воздух после дождя смешивался с запахами молодой листвы и напоминал о чём-то далёком. О чём он вспомнить не мог, но точно помнил, что этот запах уже однажды был в его жизни. Из универмага, ставшего маленькими отдельными магазинчиками, шли люди. Они заходили в одни двери, выходили и заходили в следующие.

– Чего ищут, всюду одно и то же, цены всюду одинаковые, – Борис поморгал глазами, идти домой не хотелось, поэтому он перешёл перекрёсток, огляделся, нашёл глазами свободную скамью, обогнал двух не молодые женщин, которые взявшись под ручку, медленно прохаживались вдоль бульвара и сел. Между кронами деревьев блестел сусальным золотом крест недавно построенной церкви.

– Почему считается, если рассказать о своих грехах бородатому дядьке в красивой одежде, то этих грехов станет меньше? – подумал Борис.

Развить эту глубокую мысль дальше ему не позволили те самые тётки, которых он обогнал. Они, приветливо улыбаясь, присели на скамью рядом с Борисом.

Борис скользнул по ним взглядом, не нашёл ничего замечательного и продолжил смотреть на купола церкви. После грязно-серой зимы они сияли на солнце ярко и радостно.

Слегка пьяный бомж остановился в солнечном пятне возле дерева и протянул к Борису ладонь сложенную лодочкой. Он молчал и смотрел ему прямо в глаза.

– Мать бы подала, – подумал Борис, порылся в кармане куртки.

Увидев это движение бомж подошёл ближе и еще не получив деньги высыпал слова благодарности. Не глядя бомжу в лицо, он сунул в ладонь первую попавшуюся монету. Бомж отошёл, шмыгнул носом и поплёлся к следующей скамье.

Всё это время старушки внимательно наблюдали за происходящим.

– Вы зря дали ему деньги, молодой человек, – улыбаясь и причмокивая широким ртом, сказала та, что сидела ближе к Борису.

Борис счёл благоразумным промолчать.

Женщины переглянулись, тяжело, но не долго, повздыхали, улыбки снова вернулись на их лица и они, не взирая, на то, что Борис смотрит в сторону, заговорили.

– Вы знаете, что в мире есть гармония, есть любовь. Есть вещь, которая обещает постичь её?

– Православный я, – отрезал Борис и искоса взглянул на позолоченный купол.

– Я тоже была когда-то православной, – с нотами ужаса в голосе сообщила одна из них.

В ответ Борис промычал что-то не членораздельное, тётки оживились.

– Вот Вы молодой человек на купол посматриваете, а знаете ли Вы, что Бог находится везде.

Борис поморщился. Но тетки то ли не заметили, то ли сделали вид, что не заметили и напористо продолжали рассуждать на тему Бог.

Они говорили о трёхмерном пространстве, о способностях мозга человека, о вечном счастье. Счастье, было то что мать жива, Борис после посещения местной больнички понимал это как никто другой.

Женщины не унимались: – Мы живем в трехмерном пространстве, и для нас невозможно вообразить существование жизни вне пространства. Но ведь Бог – это Творец всего, Нет такого места, где бы Его не было. Поэтому Он может лично присутствовать с каждым человеком одновременно.

– Надо уходить, пока они мне не вынесли мозг своими разговорами, – не дослушав, Борис встал и направился в сторону искрящегося на солнце купола.

В церкви молодой парень придурковатого вида собирал огарки, попутно он гасил все свечи и выковывая их из подставок аккуратно складывал в ведёрко которое нёс с собой.

– Почему люди в церкви молятся не столько Богу, сколько иконам? – такая мысль впервые возникла в голове Бориса: – И зачем столько святых?

Он хотел было поставить свечку за здоровье матери, но понаблюдав за парнем, передумал. Ему не хотелось, чтобы свеча, не догорев, попала в ведро, он зевнул и пошёл к воротам,

тёмные лица на иконах сверлили глазами затылок Бориса, когда он выходил вон.

После тяжёлой, сдавленной стенами, атмосферы храма улица показалась просторной, весёлой, жизнеутверждающей. Запах молодой листвы смешанный с влажным воздухом обещал благополучие во всём и всегда.

Дома любопытная соседка зашла на огонёк с расспросами о том: – Как там в больнице?

– Нормально, – Борису не хотелось вдаваться в подробности.

Соседка поохала: – Грехи наши тяжкие, – и посоветовала Борису молиться за скорейшее выздоровление матери.

– Может действительно поможет, – Борис опустил в тостер пару кусочков хлеба: – Но если Бог везде и всегда знает наши мысли, зачем идти в церковь? Или там слышимость лучше?

С мыслью, «Бог везде», он проснулся утром. Солнечный зайчик прополз по стене и спрятался за портьеру. Кофе в чашке остыл, надкусанный бутерброд остался лежать на краю тарелки. Стрелки часов показали, что близятся приёмные часы и надо идти к матери в больницу.

Соседка подметала лестничную площадку и поджидала Бориса:

– Сходи, поставь свечку милоч, – напутствовала она его.

– Схожу, – буркнул в ответ Борис, вспомнил огарки свечей в полутёмном храме и то, что «Бог везде».

У остановки, на тумбе для объявлений женщина клеила объявления. Они были распечатаны на больших сине – голубых листах яркими красками. Женщина бережно водила по ним ладонями выдавливая с внутренней стороны излишки клея. Ожидающие транспорт пассажиры читали объявление и равнодушно разъезжались кто куда.

Борис постоял у витрины продуктового магазина, пересчитал деньги и купил матери пару яблок, бутылку кефира да ванильные сухарики.

В палате пахло хлоркой и озонированным воздухом, какой бывает после продолжительного кварцевания. Мать лежала с закрытыми глазами, руки, исколотые иглами от капельниц, зелено-фиолетовыми синяками лежали поверх одежды, от носа к уху шла трубочка. Она спала. Борис постоял возле кровати, помолчал и вышел.

– Вечером приду, – сказал он медсестре.

– Приходи, ей получше, она уже говорить сможет, – медсестра забрала пакет и уложила его в тумбочку стоящую у кровати.

На обратном пути он остановился у рекламной тумбы, ярко синий плакат еще не заклеенный сверху объявлениями от риэлторов приглашал паломников поехать в святые места.

Борис смотрел на сине – голубое рисованное небо, когда за спиной кашлянула не понятно, откуда взявшаяся соседка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.